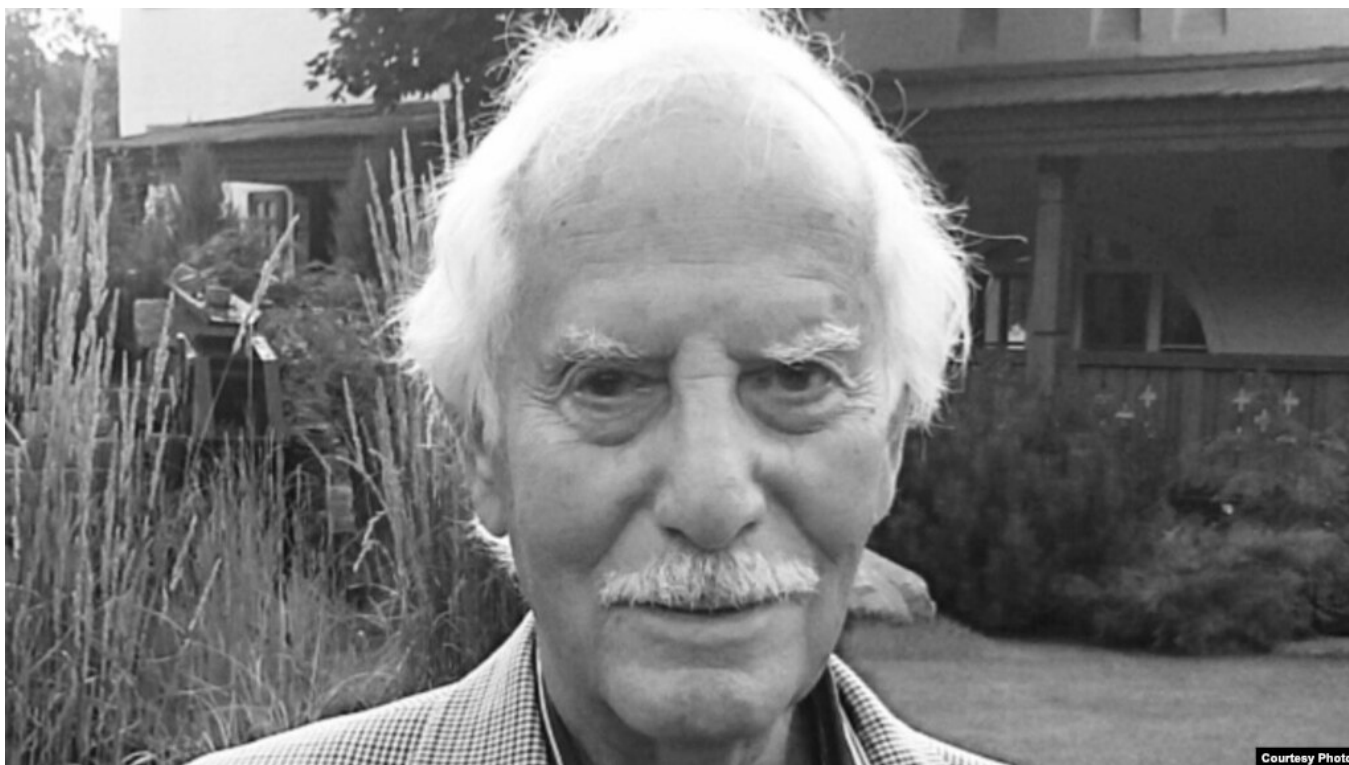


КУЛЬТУРА

Из Испании в Испанию с остановкой на полвека в Москве. Памяти Анхеля Гутьерреса

Виктор Черецкий

менее минуты назад



Анхель Гутьеррес.

Режиссер и актер, испанский ребенок Анхель Гутьеррес вернулся доживать свой век на родину. Но добрых уроков русской культуры он никогда не забывал. Рассказывает наш мадридский автор Виктор Черецкий.

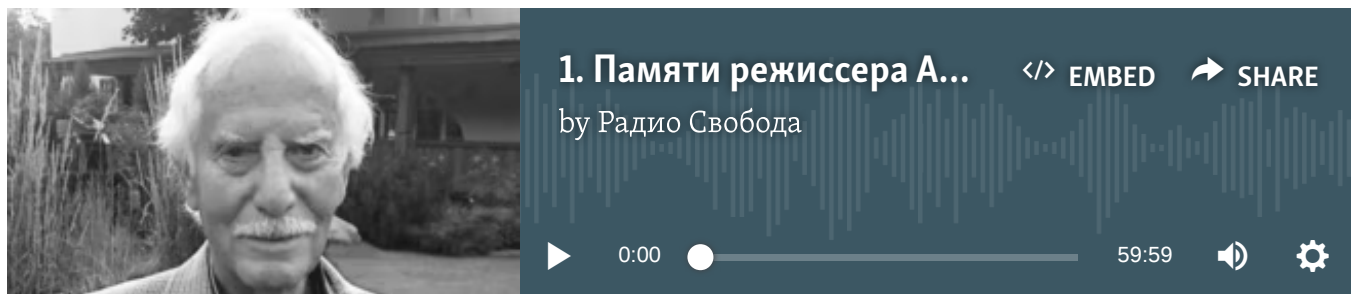


Как обойти блокировку?

[читать >](#)

Иван Толстой: В нынешнем июне исполнится два года со времени кончины Анхеля Гутьерреса. Он оказался в СССР в 6-летнем возрасте, учился в школе, получил театральное образование в московском ГИТИСе, в котором затем преподавал 18 лет, работал театральным режиссером, стоял у истоков создания Театра на Таганке,

снимался в кино. Вернувшись на родину, Гутьеррес основал в испанской столице театральную школу и театр имени Чехова.



↗ Pop-out player

↓ Скачать медиафайл ▾

Виктор Черецкий: Анхель Гутьеррес всегда называл себя "ребенком войны" - гражданской войны в Испании. Ведь именно эта война определила всю его дальнейшую судьбу. Выходец из бедной семьи, живший в глубинке и вынужденный работать с четырех лет от роду, он неожиданно оказался в совершенно ином неизвестном мире. Вместе с тысячами других испанских детей Анхель был эвакуирован из района боевых действий и оказался в Советском Союзе. Впрочем, вот что рассказывал сам Анхель о своем детстве. Общались мы с ним как по-испански, так и по-русски.

“ Мне казалось, что мы очутились прямо-таки в раю

Анхель Гутьеррес: Я жил в горной деревушке в провинции Астúрия. Помогал местному пастуху смотреть за овцами. Без башмаков, вечно голодный, тем не менее, как большинство сверстников, я был вполне

счастлив. Но однажды - это было во времена войны - меня отвезли в город Хихон. Там мы попали под бомбежку. Через некоторое время всех детей отвезли в порт и посадили на китайский грузовой пароход. Не знаю, как мы смогли перенести это плавание. Нас загнали в трюм - мы были как сардины в консервной банке. Дети плакали. На следующий день прибыли во Францию. За нами пришли русские моряки. Один из них, который показался мне огромным, перенес меня на руках на советский корабль. Нас разместили по каютам. На кроватях были белоснежные простыни. Я до этого на таких простынях никогда не спал. Нас окружили такой заботой, таким теплом, что мне казалось, что мы очутились прямо-таки в раю.

Виктор Черецкий: О том, как в 1937-38 годах встречали пароходы с испанскими детьми в ленинградском порту, мне доводилось слышать от многих "детей войны". Для них это первое знакомство с Россией стало одним из наиболее ярких жизненных впечатлений. Анхель Гутьеррес не был исключением.

Анхель Гутьеррес: Мы прибыли в Ленинград, нынешний Санкт-Петербург. В порту оказалось целое море людей. Оркестры, знамена, цветы, дети-пионеры. Мы подняли кулаки и сошли с корабля, распевая песню революционеров-астурийцев: "Вперед, батальон Максима Горького!" Люди встречали нас со слезами на глазах.



Испанские дети по прибытии в Ленинград.

Я открыл для себя в это время, что такое человеческая солидарность. Это главное. Я, шестилетний, вечно голодный бедный постушок, убежавший от бомб, оказался окруженным таким вниманием и любовью! Меня обнимали, дарили конфеты. Такое может только сниться! Так нас встречали в неизвестной, чужой стране, фактически на другой для нас планете. И Санкт-Петербург, Ленинград стал навсегда моей малой родиной в России.

Виктор Черецкий: В школе-интернате, открытом в Ленинграде специально для испанских детей, Анхель Гутьеррес увлекся музыкой и рисованием. Он пел в школьном хоре, учился игре на рояле в городском дворце пионеров. Вторая мировая война прервала эти занятия.

Анхель Гутьеррес: Война началась и первое время нам приходилось быть в Ленинграде, в блокаде ленинградской. Мы с крыш с удовольствием кидали на землю немецкие зажигательные бомбы, там песком их засыпали, чтобы они не

горели. Баррикады делали. Девушки - в госпиталях. Наши старшие друзья, которым было по 18-19 лет уходили добровольцами на войну. Пели песни, говорили: мы вернемся орденосцами - все героями, спасем от фашизма мир и Испанию.

“ От верной смерти юного испанца спасла воспитательница

Виктор Черецкий: В конце концов испанских детей эвакуировали из Ленинграда на Южный Урал. Правда, ненадолго. Урал запомнился Анхелю своими морозами и простудами, от которых он часто

страдал. От верной смерти юного испанца спасла воспитательница. Когда он в очередной раз тяжело заболел, она продала свои кольца и смогла купить мальчику лекарства, молоко и мед. Несмотря на все злоключения, Гутьеррес никогда не жаловался на тот период своей жизни. Наоборот, он считал, что невзгоды, перенесенные в юности, лишь закалили его характер, помогли в дальнейшем преодолевать трудности.

Анхель Гутьеррес: Воспитываться в годы войны, в борьбе, испытывать с детства голод, холод - все пережитое мне пригодилось, стало жизненной школой. Мы работали на лесозаготовках с пилами и топорами. Боролись с холодом зимой и тучами комаров летом. Мы отправлялись в военные госпитали и организовывали там концерты - пели и танцевали. На вырученные на заготовках деньги мы купили танк и назвали его "Пасионария" в честь лидера компартии Долорес Ибаррури. Война воспитала в нас мужчин.

Виктор Черецкий: В 43-ем году период эвакуации завершился - детей перевезли на новое место жительства - на этот раз в Подмосковье. Анхель продолжил учиться в школе, заниматься музыкой и рисованием. Кроме того, переезд оказался судьбоносным.

Анхель Гутьеррес: Рядом с интернатом находился Дом творчества кинематографистов. Они часто приходили к нам. А мы выступали перед ними с концертами, пели испанские песни. Однажды вечером на встрече с кинематографистами, среди которых был Сергей Эйзенштейн, Всеволод Пудовкин, Сергей Герасимов и другие великие мастера кино, нас стали спрашивать, кем бы мы хотели стать. Когда очередь дошла до меня, я ответил, что не знаю, чем заняться, хотя должен определиться, поскольку скоро закончу школу. Сказал я и о том, что мне нравилось рисовать и музицировать. И тогда присутствовавший на встрече Марк Донской сказал, что есть профессия, в которой мои увлечения могли бы пригодиться. Это универсальная профессия. Я спросил, что же это за профессия? Мне ответили - кинорежиссер.



СМОТРИ ТАКЖЕ

Испанские гастроли Сергея Дягилева

Виктор Черецкий: Идея стать кинорежиссером очень понравилась Анхелю. Но овладеть этой профессией он сразу не смог. Для начала требовалось иметь навыки фотографии, которых у него не было. Тогда юноше посоветовали поступить в ГИТИС, что он и сделал. Правда, приняли его в порядке исключения. Ведь для учебы на театрального режиссера требовался стаж работы актером, которого у Гутьерреса тоже не было. После окончания института испанец провел три года в Таганроге, где поставил 8 спектаклей. С 1956 года и в последующие 18 лет он, вернувшись в столицу, преподавал в ГИТИСе. Параллельно ставил спектакли в цыганском "Ромэн" и в других театрах, закончил наконец Высшие курсы сценаристов и кинорежиссеров, сыграл в качестве актера в ряде фильмов, в частности, "Салют, Мария!" Иосифа Хейфица, и в "Зеркале" Андрея Тарковского. Так что в кино он все же пришел, но театр навсегда оставался его основным занятием - и в России, а затем и в Испании. Что означало для Гутьерреса театральное искусство?



Анхель Гутьеррес в фильме "Салют Мария!" (1970).

Анхель Гутьеррес: Этот вопрос всегда заставлял меня задуматься. Ведь это не простой вопрос. Театр для меня - это самое глубокое отражение жизни. Я больше русский, чем испанец. Я сформировался как сознательный человек, открыл глаза на мир в России. Помогли мне в этом Достоевский, Пушкин, Толстой, Чехов, Чайковский, Мусоргский и другие. Это имена великого культурного наследия России - деятелей литературы и музыки, которые сильно повлияли на европейскую и мировую культуру.

Виктор Черецкий: Между тем, Анхель Гутьеррес оказался в самом центре бурной культурной жизни Москвы в период так называемой хрущевской "оттепели". Судьба свела его тогда со многими выдающимися деятелями культуры - в основном молодыми режиссерами, актерами, писателями, поэтами, учеными. Они собирались дома у Валентины Мартьяновой, актрисы, режиссера и театрального педагога, которую молодежь очень любила ... но за глаза, из-за разницы лет, называла "старухой".

“ Я больше русский, чем испанец

Анхель Гутьеррес: Дружили, встречались каждую субботу или пятницу у "старухи" - у Валентины Ивановны Мартьяновой. Она меня очень любила и у нее дома мы всегда встречались. Без водки, без вина - на чай. Круглый стол огромный под абажуром. И мы там спорили, говорили о поэзии, театре. Туда Федин приезжал, Евтушенко... Это была наша группа постоянная... Володя Высоцкий, Роберт Рождественский... Мы спорили и о судьбах мира, о будущем России, Советского Союза, о роли искусства и о смысле жизни. Читали Пастернака, запрещенного тогда - "Доктор Живаго". Читали только вышедший "Один день Ивана Денисовича". Начали Библию читать, начали Баха слушать серьезно. В общем, начали самообразовываться.

Один из вопросов, который мы пытались решить, в чем смысл жизни? И пришли к выводу, - тогда мы были молодые, влюблялись, пели, пили, верили, что можно изменить мир, у нас были идеалы, - помню, что тогда мы пришли к выводу, что смысл жизни состоит в постоянном самосовершенствовании. Наши глаза открылись, и наши души... Мы начали мыслить самостоятельно. И уже не принимали этот строй, его политику... Спорили, почему мог случиться культ Сталина.

“ Своему другу режиссеру Юрию Любимову Гутьеррес

Виктор Черецкий: Своему другу режиссеру Юрию Любимову Гутьеррес помогал с кадрами для Театра на Таганке. Привел туда Валерия Золотухина с Ниной Шацкой, потом Леонида Филатова. По просьбе Андрея

помогал с кадрами для Театра на Таганке

Тарковского испанец устроил к Любимову
Владимира Высоцкого.

Анхель Гутьеррес: Когда Высоцкого выгнали из театра Пушкина, мне звонит Тарковский и говорит: Анхель, дорогой, Володю выгнали из театра, надо что-то делать, помоги! У тебя там знакомые, надо устроить его. Я сказал, это я завтра же все сделаю. Я знал, как Володя поет, и я знал, что Любимову нужны такие актеры. Я привел его к Любимову. Он говорит: Ну, ты поешь? - Ну, пою. - Спой что-нибудь. - Он спел и потом говорит: могу прочитать монолог... - Нет, ничего не надо! Давай, ко мне в театр!

Виктор Черецкий: Кстати, Гутьеррес рассказывал мне, что был причастен к роману Высоцкого с Мариной Влади - в 1967 году организовал вечеринку во Всероссийском театральном обществе, где они познакомились.

Анхель Гутьеррес: Во время кинофестиваля Макс Леон, корреспондент французской газеты «Юманите», говорит, слушай, Анхель, приезжает Марина Влади. Поеду встречать ее в аэропорт. А ты в ВТО - займи там столик, - мы прямо туда придем, а ты позови кого-нибудь из своих друзей, кто поет. Потом домой ко мне поедем и проведем хороший вечер. Хорошо. Я пригласил Золотухина. Позвонил на "Таганку" и сказал: Валера, давай после спектакля приходи в ВТО, я тут буду с друзьями - я ничего не сказал про Марину Влади - и если Володя будет, то пригласи его тоже - скажи, что я его приглашаю ужинать. И когда уже Марина сидела, и Макс Леон с женой, приходит Золотухин и Володя Высоцкий. И я помню лицо Володи, когда он увидел Марину: он побледнел и целый вечер не сводил с нее глаз. А потом поехали домой к Максиму и до утра пели: он пел, я пел, Золотухин пел. Но все внимание, конечно, было к Марине. Володя для нее пел и она влюбилась в него.

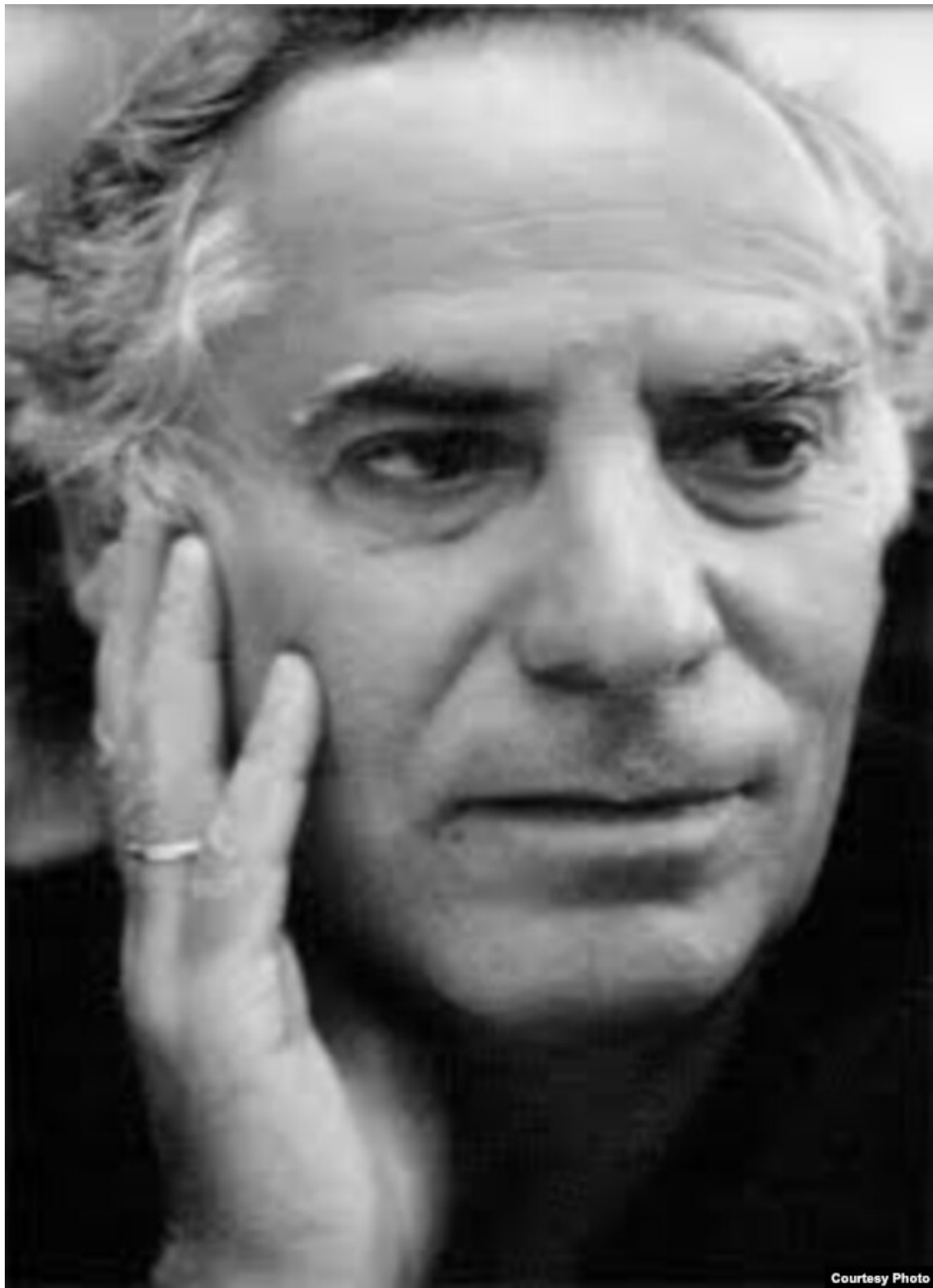
**“ Я помню лицо Володи,
когда он увидел Марину:
он побледнел и целый
вечер не сводил с нее глаз**

Виктор Черецкий: Особый разговор об отношениях Гутьерреса с Андреем Тарковским. Их дружба продолжалась много лет. Анхелю порой приходилось даже помогать материально другу, когда он оставался без работы по милости советских цензоров. Помогал Тарковскому испанец и в создании фильма "Зеркало", в котором и сам снимался.

Анхель Гутьеррес: Тарковского я хорошо знал. Часто бывал у него дома. Он мне помогал сокращать и редактировать сценарий, который я написал об одиссее испанских детей в России. Фильм должен был называться "Я ходил в море за апельсинами". Встречались не реже двух раз в неделю. Андрея сводили с ума

испанские песни под гитару. Однажды он меня пригласил на просмотр своего нового фильма "Андрей Рублев", который был запрещен и в прокат до поры до времени не выпускался. Фильм произвел на меня огромное впечатление, значительно большее, чем произведения других режиссеров. Помню, что я сказал тогда Андрею: как ты смог осилить такую глыбу, как ты мог создать подобное? Я был очень взволнован. Я даже встал перед ним на колени - единственный раз в жизни.

Тарковского нужно знать: он говорил и делал только то, что хотел - вопреки всем препонам и запретам со стороны тоталитарного государства и его цензуры. Вспомним хотя бы пролог "Зеркала" с его знаменитой фразой "Я могу говорить!" Государство бойкотировало великого режиссера. За рубежом его фильмы получали премии, а в Москве вокруг него было полное молчание. Он испытывал чувство одиночества. К тому же для него часто не было работы. Ведь он отказывался от предложений типа снять фильм о сельхозпредприятии, о доярке, которая перевыполнила пятилетний план надоев и получила за это награду.



Courtesy Photo

Анхель Гутьеррес.

Виктор Черецкий: Творческая судьба самого Анхеля Гутьерреса в России тоже складывалась непросто. С одной стороны, по его собственным словам, ему повезло:

он преподавал, работал в известных театрах и поддерживал дружеские отношения со многими выдающимися деятелями культуры. С другой, постоянно ощущал давление цензуры, абсурдные придирки и запреты. Так, главный режиссер театра Станиславского Михаил Яншин пригласил его поставить "Дом Бернарды Альбы" Гарсии Лорки. Гутьеррес поставил спектакль: пьеса имела огромный успех. Потом спектакль неожиданно сняли с репертуара. Он якобы пропагандировал аморальный образ жизни. Запреты последовали и на другие спектакли испанца, в том числе и на постановку Луиджи Пиранделло.

Анхель Гутьеррес: Это уже брежневское время - очень страшное время. Я поставил "Человека из Ламанчи" со своими студентами. Он шел неделю - затем закрыли спектакль. Я поставил Пиранделло - "Шесть персонажей в поисках автора" впервые в Советском Союзе - тоже со студентами-выпускниками ГИТИСа. И это был страшный скандал - меня вызывали на Лубянку... хотели вызвать - я отказался, сказал: мне не интересно туда... Говорили, что это антисоветчина - я не знаю, почему. По-моему, это был самый удачный спектакль в моей жизни. Он произвел фурор во время генеральных репетиций с публикой... И все. После этого я решил уехать в Испанию.

**“ Я не хотел
возвращаться в Испанию.
Моя родина - Россия**

Виктор Черецкий: По признанию самого Гутьерреса принять это решение, несмотря на обиды на советскую бюрократию за себя и за близких друзей, ему было сложно по ряду причин.

Анхель Гутьеррес: Я не хотел возвращаться в Испанию. Моя родина - Россия. Я люблю Россию - ее леса, ее небо, ее людей. Там был мой дом, мои друзья. Моя работа, мой театр. Я был профессором театрального института - ГИТИСа. Меня любили студенты и я их любил. У нас была взаимная любовь. Жизнь была вполне налажена. Я хорошо зарабатывал как профессор и театральный режиссер. Это с одной стороны, а с другой я видел, как советская власть разрушалась на глазах - повсюду расцветала коррупция и цензура. Это ощущалось даже в стенах института. Все изменилось. Все идеалы рухнули. Тем не менее, я колебался - уезжать или нет. Ведь у меня были довольно глубокие корни в России. Это была моя земля.

Виктор Черецкий: Любопытна история вокруг уже упомянутого сценария самого Гутьерреса под названием "Я ходил в море за апельсинами". Ему не давали хода 10 лет, хотя работа неоднократно переделывалась по требованию цензуры и в конце концов понравилась в мире кино, включая режиссера Сергея Герасимова. Потом Гутьеррес узнал, что его сценарий стал жертвой вовсе не советских цензоров. Он не понравился жившей в Москве Долорес Ибаррури. Она посчитала проблемный

фильм ненужным, поскольку он противоречил ее тезису о сугубо счастливой жизни испанской молодежи в Советском Союзе. Но после решения Гутьерреса покинуть СССР сценарий неожиданно одобрили.

“ Эти козлы никогда не будут снимать твой фильм. Это ловушка

Анхель Гутьеррес: Когда я уезжал в Испанию, решил наконец уехать и уже получил визу, мне позвонили из Мосфильма и сказали, что у них для меня радостная новость - мой сценарий одобрен для съемок.

Я ответил, что уезжаю в Испанию. Мне заявили, что это невозможно, что вопрос решался 10 лет и вот, наконец, он решен. Я рассказал об этом Тарковскому. Он побледнел, выругался и сказал мне шопотом: поезжай в Испанию. Эти козлы никогда не будут снимать твой фильм. Все эти разговоры ведутся лишь для того, чтобы не дать тебе возможности уехать. Это ловушка.

Виктор Черецкий: В те времена прямого сообщения с Испанией не было. Путь лежал через Францию. В Париже Гутьеррес встретился с живущими там своими хорошими знакомыми - прозаиком и драматургом Владимиром Максимовым и Александром Галичем, поэтом, сценаристом, особо известным своими сатирическими песнями. Кроме того, испанец выступил в печати с далеко нелестным мнением о состоянии дел в СССР. После этого Тарковскому, по словам самого Гутьерреса, было приказано вырезать из уже законченного фильма "Зеркало" эпизоды с его участием.

Что касается Испании, то здесь Анхелю пришлось начинать буквально с нуля. К тому же времена были непростые - происходила смена государственного режима: диктатура генерала Франко с огромными трудностями менялась на демократическую форму правления. Политика поглощала все мысли людей. Тем не менее, Гутьерресу удалось сделать несколько работ на местном телевидении. В частности, он поставил "Дядю Ваню" Чехова. Телеспектакль имел большой успех. Но главной мечтой режиссера в Испании было создание собственного театра.



Анхель Гутьеррес с ученицами.

Анхель Гутьеррес: В Испании я окунулся как бы в пустоту. Это были трудные времена, в том числе для меня. Испания меня поначалу не приняла. К примеру, как репатриант я не получил никакой помощи от Красного Креста, который в то время находился под эгидой франкистов. Для них я был "советским", чуть ли не коммунистом. Левые меня тоже не приняли, поскольку я был диссидентом, противником советского режима. Мне угрожали смертью и те, и другие. Но из Испании я не уехал и со своими первыми учениками создал в Мадриде театр имени Чехова. Было очень трудно. Но как говорится, трудности укрепляют дух. Я считал, что в Испании мне предстояло сделать нечто важное.

Виктор Черецкий: Театр имени Чехова был открыт в 1980 году и просуществовал 35 лет. За это время в нем было поставлено порядка 50 спектаклей авторов разных стран, но в основном испанских и российских. Шли чеховские "Вишневый сад", "Палата № 6" и "Дядя Ваня", "Дачники" Горького, гоголевская "Женитьба", "Преступление и наказание" Достоевского.



Анхель Гутьеррес.

В Мадриде спектакли игрались лишь по пятницам и выходным. Не раз гастролировал театр в других городах Испании и в России, был участником Мелиховских фестивалей. В свою очередь, в мадридском театре Гутьерреса побывали актеры Театра на Таганке со главе с Николаем Губенко. Театр Чехова был камерным и единственный в своем роде в Мадриде. Он предназначался для интеллектуальной элиты. Вспоминает известный испанский писатель и публицист Сесар Видаль.

Сесар Видаль: Как-то вечером в выходной, когда вроде делать было нечего, я посмотрел театральную афишу в одной из газет и неожиданно наткнулся на то, что в одном доселе неизвестном мне мадридском театре ставили произведения Пушкина. Я был крайне удивлен, что кто-то осмелился представить испанской публике произведения россиянина, и отправился в этот камерный театр, который носил имя Чехова. Я был приятно удивлен спектаклем, удивлен высочайшим качеством режиссуры и игры актеров. Так что я очень быстро превратился в фаната этого театра, который не пропускал ни одного нового спектакля. Последнее, что я посмотрел в театре это блестящую постановку "Чайки" Чехова.



"Чайка" на сцене театра Чехова в Мадриде.

Виктор Черецкий: Создавая свой театр, Гутьеррес сознавал, что на широкую публику с таким репертуаром он рассчитывать не мог. Ведь по его же словам среднестатистические испанцы воспринимали на сцене разве что водевили. И подобную ситуацию ему хотелось хоть как-то изменить, хотелось, чтобы люди ходили в театр не только для того, чтобы развлечься, ну и для того, чтобы подумать, поразмышлять над жизнью.

Анхель Гутьеррес: Моей мечтой было произвести революцию в испанском театре. Я по природе революционер. Мне нравится ломать существующие рамки, препоны, нормы. Всем нам, "детям войны", хотелось сделать что-то особенное для нашей родины, страны наших предков. Я лично хотел сделать здесь очаг культуры в виде театра. Чтобы в самом центре Мадрида, недалеко от наших знаменитых картинных галерей - музеев королевы Софии и Прадо - было бы место, где люди могли бы научиться мыслить, пробудить свое сознание, возвыситься над повседневностью.



Театр Чехова в Мадриде.

Виктор Черецкий: Параллельно с театром Гутьеррес более 20 лет преподавал в Королевском высшем училище драматического искусства в Мадриде. Читал лекции о театре в США. В 1982 году он создал в Мадриде свою собственную театральную школу. В школе при театре учеба продолжалась четыре года. Ученики также проходили практику. И в театре, и в школе все основывалось на теории сценического искусства и методах актёрской техники, разработанных в свое время Константином Станиславским - на так называемой системе Станиславского.

“ Меня научили любить Дон Кихота в России

Анхель Гутьеррес: У меня есть ученики, у меня есть школа. Мы говорим на одном языке. Метод, которым я владею, - метод русской школы. И поэтому я могу создать

"ансамбль". А театр - это коллективный поэт. Это не просто когда один актер хорошо играет, а остальные ему подыгрывают. Репертуар театра - не для развлечений, хотя я ставил комедии. Я ставил Лопе де Вега «Учитель танцев», которого хорошо знают в Москве, а в Испании никто не знает. «Балконы Мадрида» Тирсо де Молины, все комедии Сервантеса. С огромным успехом шел еще совсем недавно Дон Кихот. А думал я о Дон Кихоте с детства. Меня научили любить Дон Кихота в России.

Виктор Черецкий: Театр Чехова был совсем небольшим. Он находился в старой части Мадрида - в районе, где некогда - еще в 16-17 веках - селилась

интеллектуальная элита, жили Сервантес, Лопе де Вега, Кеведо, Гонгора и другие. Маленький зал, скромное фойе с портретом Антона Павловича. Кабинет самого Гутьерреса располагался на чердаке, куда вела довольно шаткая выдвигаемая лестница. Всякий раз забираясь по ней у меня вовсе не было уверенности в успешном завершении почти что альпинистского восхождения, а вот Гутьеррес, который был на 20 лет старше меня, делал это быстро и без напряжения. Сказывалась, как он шутил, привычка преодолевать трудности.



СМОТРИ ТАКЖЕ

Как русские заселяли Испанию. К истории первой волны эмиграции

Все годы своего существования театр получал небольшие субсидии от муниципалитета Мадрида. Но вот в Испании случился очередной кризис, городская казна опустела и в субсидиях Гутьерресу было отказано. И это несмотря на поддержку городской общественности и средств информации, дабы к этому времени Анхель получил всеобщее признание как крупнейший театральный деятель. В 2012 году, после 32 лет работы, пришлось расстаться с помещением - нечем стало платить за аренду. Режиссер с горечью вспоминал об этом времени.

Анхель Гутьеррес: Мы вынуждены были неожиданно для себя расстаться с нашим театром. Я не хотел, чтобы он окончательно закрылся. Я надеялся работать до конца своих дней, репетируя, наблюдая за публикой, за тем, как она реагирует и как, под влиянием увиденного на сцене, задумывается над тем, можно ли что-то сделать, чтобы жить по-иному.

Виктор Черецкий: В течение нескольких лет Анхель пытался что-то сделать, чтобы спасти детище своей жизни. И ему частично это удавалось. Так в 2014 году в мадридском Новом театре Алькала он смог поставить "Вишневый сад". Этот же спектакль шел через год в театре Валье-Инклана. Помощь при этом пришла совсем неожиданно и не от лево-прогрессивных сил, на которые воспитанный в СССР Гутьеррес всегда делал ставку, а совсем с другой стороны - от католической ультра-консервативной организации Опус Деи - от Прелатуры Святого Креста и Дела Божия.



"Вишневый сад" в постановке Гутьерреса.

Анхель Гутьеррес: Мне позвонили из Международного университета Ла-Риохи, который связан с Опус Деи. Я об этом не знал. Более того, я понятия не имел, что такое Опус. Итак, мне позвонили - не знаю, где они раздобыли мой телефон - и сказали: мы хотим помочь спасти лучший в Испании театр, этот прекрасный театр Чехова, который вы создали и которым руководили столько лет. Мы хотим его спасти, что бы мы могли сделать? Я ответил, что мне нужны деньги. И они мне дали нужные деньги. Таким образом, нам - моим преданным ученикам и мне - удалось, несмотря на все трудности и преграды, поставить "Вишневый сад". Я полагаю, что помогавшие мне люди разделяли мою точку зрения: без культуры нет политики, без нее нет европейского сообщества, нет корней, без культуры ничто не может существовать, народы без культуры обречены на вырождение, ведь в культуре - вся мудрость народа.

Ну, а этот театр являлся смыслом всей моей жизни. Он был моим жизненным предназначением. Я родился для театра и для музыки. Я полагаю, что мне сам Бог велел этим заниматься и я пытаюсь выполнять этот завет до последнего вздоха.

Виктор Черецкий: Анхель Гутьеррес ушел из жизни 22 июня 2024 года - в день очередной годовщины начала войны, о которой он всегда помнил и надеялся, что все, что довелось пережить ему и его поколению, никогда не повторится. Режиссеру был 91 год.



Читайте Свободу в [Телеграме](#)



Сделайте Свободу приоритетным источником в [Гугл](#)



Установите Мобильное приложение
Радио Свобода



Виктор Черецкий

Этот контент также в категориях

[Поверх барьеров с Иваном Толстым](#)

[Культура](#)

[Герои Ив.Толстого](#)

Радио Свобода © 2026 RFE/RL, Inc. | Все права защищены.